

Оригинальная статья / Original article

УДК 93

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-257-267>**Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел
в 1920-х – начале 1940-х годов: к постановке проблемы****Е.А. Зверков ¹✉**

¹Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
пр-т Патриотов, д. 53, г. Воронеж 394065, Российская Федерация

✉e-mail: zverkovphd@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь недостаточностью работ по избранному нами объекту исследования в заявленных географических и хронологических рамках, необходимостью и возможностью проведения дальнейших исследований. Кроме того, несомненную социальную значимость будет иметь учёт опыта воспитательной работы в органах внутренних дел в условиях сложного экономического положения государства, а также в период ведения боевых действий.

Цель исследования: рассмотрение материальных условий, основных форм и методов культурно-воспитательной и политической работы с сотрудниками милиции и уголовного розыска.

Задачи: дать характеристику проводимым в рамках политико-воспитательной работы мероприятиям, рассмотреть особенности морально-психологического состояния сотрудников органов внутренних дел на протяжении 1920–1930-х годов.

Методология. Работа подготовлена на основе архивных данных, извлечённых из государственных архивов Воронежа, Курска, Липецка, Орла. В основу работы положены принципы объективности и историзма. При подготовке исследования использованы историко-социологический и историко-генетический методы.

Результаты. Представлен краткий обзор воспитательной работы с работниками органов внутренних дел чернозёмных регионов, морально-психологическое состояние кадров в рассматриваемый период.

Выводы. Воспитательная работа в органах внутренних дел имела эпизодический характер, не обладая должной системностью. Наиболее популярными формами воспитательной работы являлись выступления перед работниками на политические темы, праздничные вечера к годовщинам образования милиции. К затруднениям осуществления воспитательной работы следует отнести организационное несовершенство мероприятий воспитательного характера и высокую текучесть кадров. Последнее обстоятельство не позволяло в должной мере сосредоточиться на качественной подготовке кадрового состава, обладающего высокими морально-деловыми качествами и хорошей политической подготовкой. Слабость воспитательной работы и сложное материальное положение милиционеров повлияли на уровень служебной дисциплины и отношение работников к службе.

Ключевые слова: милиция; уголовный розыск; воспитательная работа; Центральное Черноземье.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зверков Е.А. Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел в 1920-х – начале 1940-х годов: к постановке проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 257–267. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-257-267>.

Поступила в редакцию 17.12.2024

Принята к публикации 09.03.2025

Опубликована 28.04.2025

Political and educational work in the internal affairs bodies in the 1920s - early 1940s: towards the formulation of the problem

Evgeny A. Zverkov¹✉

¹Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russian Federation

✉e-mail: zverkovphd@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is due, first of all, to the insufficiency of work on our chosen research object within the stated geographical and chronological framework, the need and possibility of further research. In addition, taking into account the experience of educational work in the internal affairs agencies in the difficult economic situation of the state, as well as during the period of hostilities, will be of undoubted social importance.

Objectives: to consider the material conditions, basic forms and methods of cultural, educational and political work with police and criminal investigation officers.

Objectives: to characterize the activities carried out within the framework of political and educational work, to consider the peculiarities of the moral and psychological state of employees of internal affairs bodies during the 1920s-1930s.

Methodology. The work was prepared on the basis of archival data extracted from the state archives of Voronezh, Kursk, Lipetsk, Oryol. The work is based on the principles of objectivity and historicism. Historical-sociological and historical-genetic methods were used in the preparation of the study.

Results. A brief overview of educational work with employees of the internal affairs bodies of the Chernozem regions, the moral and psychological state of personnel in the period under review is presented.

Conclusions. Educational work in the internal affairs bodies was episodic, lacking proper consistency. The most popular forms of educational work were speeches to employees on political topics, festive evenings dedicated to the anniversaries of the formation of the militia. The difficulties in carrying out educational work include the organizational imperfection of educational activities and high staff turnover. The latter circumstance did not allow us to properly focus on the high-quality training of a cadre with high moral and business qualities and good political training. The weakness of educational work and the difficult financial situation of the police officers affected the level of service discipline and the attitude of employees to the service.

Keywords: police; criminal investigation; educational work; Central Chernozem region.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zverkov E.A. Political and educational work in the internal affairs bodies in the 1920s - early 1940s: towards the formulation of the problem. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(2):257–267. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-257-267>.

Received 17.12.2024

Accepted 09.03.2025

Published 28.04.2025

Введение

Воспитательной работе в органах внутренних дел всегда уделялось пристальное внимание, т. к. её эффективность напрямую увязывается с состоянием дисциплины работников, а значит и с эффективностью противодействия преступности. Применительно к изучаемому периоду воспитательная работа означала не только профилактику возможных дис-

циплинарных проступков (или даже уголовных преступлений), но и агитационно-политическую составляющую. Последняя предусматривала как разъяснительную работу по пропаганде основ марксизма и политической целесообразности той или иной правительственной экономической или социальной кампании, так и контроль за отношением работников милиции к ним. Во многом именно последний ком-

понент влиял на интенсивность и содержание программ воспитательной работы в органах внутренних дел.

Методология

История воспитательной работы в органах внутренних дел Центрального Черноземья сравнительно редко рассматривается профессиональными историками. Так, применительно к Центральному Черноземью можно выделить всего несколько работ: например, С.Н. Токаревой [1], В.В. Кузнецова [2]. Хронологически нам близка работа С.Н. Токаревой, в которой исследуются основные формы культурной работы с сотрудниками милиции и особенности их осуществления. Исследование построено в соответствии с принципами объективности и историзма. С учётом специфики темы использовались историко-социологический и историко-генетический методы.

Результаты и их обсуждение

Осуществление и грамотное проведение воспитательной работы в любой структуре, особенно с таким перечнем полномочий, как органы внутренних дел, требует не только известной продуманности, спланированности и мастерства, но и устойчивого кадрового фундамента, обладающего хотя бы минимальными представлениями о корпоративной культуре и этике, имеющего не только моральную, но и материальную заинтересованность в длительном и качественном несении службы, отчётливо представляющем себе последствия нарушения закона и служебной дисциплины. Руководство государства, по всей видимости, не считало необходимым признать взаимосвязь текучести кадров, уровня служебной дисциплины и социально-материального обеспечения органов внутренних дел. Частичным решением проблемы, направленным на повышение эффективности органов милиции, можно признать ограниченные попытки организации системы профессионального образования

(зачастую представлявшего собой основы общеобразовательной подготовки и поверхностного знакомства с азами уголовного и административного права) и установление для милиционеров особой меры ответственности за допущенные нарушения законности.

Материальная бедность, невысокий общеобразовательный уровень милиционеров не могли в полной мере компенсироваться личной честностью и мужеством милиционеров, многократно проявлявшейся ими при выполнении служебных задач, в том числе таких сложных, как ликвидация уголовного и политического бандитизма на обширных лесостепных пространствах черноземных губерний. Воспитание милиционера-коммуниста в непростых условиях постреволюционной эпохи приходилось начинать с самых простых вещей. Требовалось научить милиционера, совсем недавно пришедшего на службу от заводского станка или из-за плуга, соблюдать опрятный внешний вид, беречь и правильно носить форменную одежду, ознакомить с порядком несения службы, объяснить значимость неуклонного соблюдения служебной дисциплины. Кроме того, за годы Гражданской войны в органы внутренних дел проникли люди, имевшие криминальное прошлое, и кадровые чистки 1922–1923 гг. должны были помочь избавиться правоохранительной структуре от тех работников, которые не только не могли в силу своих служебных деловых качеств выполнять обязанности защитника закона, но и отрицательно влияли на дисциплину в служебных коллективах. Вполне естественно, что такие меры дисциплинарных взысканий, как выговоры и даже краткосрочные аресты, не могли оказать на них должного влияния.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что милицейская преступность, как следует из отчётов о состоянии дисциплины в органах милиции, регулярно составлявшихся как на губернском,

так и на уездном уровнях, имела в целом незначительный характер и не выделялась на фоне других органов исполнительной власти. Некоторая часть совершённых нарушений дисциплины в 1920-е гг. была связана с вполне бытовыми обстоятельствами. К примеру, среди причин невыхода на службу в течение непродолжительного периода времени (до нескольких дней) неоднократно отмечались отъезд в деревню для помощи семье в период весеннего сева или, напротив, сбора урожая, и отсутствие верхней одежды или обуви, что не позволяло милиционеру нести постовую службу без серьёзного риска здоровью в условиях осенних или зимних холодов.

С учётом повсеместных материальных затруднений, характерных для 1920-х гг., политико-воспитательная работа, конечно, едва ли могла осуществляться со значительным успехом. Она упиралась в несколько обстоятельств: необходимость помещений, пригодных для занятий; потребность в лекторах, знающих и понимающих как текущее законодательство, так и основы марксизма-ленинизма; обеспеченность денежными средствами для закупки газет, журналов, проведения культурно-досуговых мероприятий.

Повсеместно в качестве формы воспитательной работы заявлялись беседы и лекции по политическим вопросам, в период войны с Польшей читались лекции о характере этой войны [3, л. 107], однако оценить реальность проведения мероприятий, а также качество занятий ввиду отсутствия источников невозможно. Культурно-досуговая работа во многом зависела от усилий руководителей милиции на местах. Например, в Малоархангельском уезде Орловской губернии начальник уездной милиции попытался организовать библиотеку. Выполнить же распоряжение Губмилиции об устройстве милицейского клуба не удалось вследствие неимения помещения [4, л. 27]. Милицейские клубы в том или ином виде к началу 1919 г. имелись в Орле и Ельце, в

то время как большинство уездов своих клубов не имели. К декабрю 1920 г. Козловская уездная милиция располагала всего одной избой читальней, существовавшей, видимо, для отчётности [5, л. 166–166 об.].

К январю 1920 г. в каждом районе милиции Орловской губернии был введён в штат помощник по политической части (политрук). Должность политрука по уровню материальной обеспеченности (жалованьем, обмундированием, пайком) приравнялась к должности старшего милиционера. Помимо политического воспитания, политруки боролись против нарушений дисциплины, дезертирства, взяточничества, пьянства. Если кандидат на данную должность не был членом партии, то его следовало именовать комиссаром [6, л. 32]. Политическое воспитание самым серьёзным образом упиралось в материальную бедность. В Кромском уезде Орловской губернии милиции не хватало одежды и обуви, в том числе командному составу, поэтому политсекретариат опасался, что в связи с наступлением холодов у милиционеров «отпадёт» интерес к политической жизни [7, л. 8, 8 об.].

В первые годы культурно-просветительская работа велась эпизодично. Со значительными интервалами в 1922–1927 гг. проводились торжественные мероприятия (как правило, к годовщинам милиции), включая парады, вечера воспоминаний, принятие присяги вновь принятыми милиционерами в торжественных условиях, фотографирование [8, л. 463; 9, л. 4; 10, л. 3]. К примеру, в Орловской губернии в 1926 г. празднование годовщины милиции ввиду хронического отсутствия средств, выделяемых на функционирование милиции, выходило скромным, преимущественно в виде «торжественных заседаний». В газетах были помещены статьи о милиции отчётного характера. В губернском центре прошёл парад милиционеров. В качестве своеобразной премии предполагалась ликвидация

задолженностей по заработной плате работников милиции [11, л. 13]. Были подготовлены списки «сотрудников Общесоударственной и Ведомственной милиции», представляемых к награждению. Согласно решению Орловского уисполкома 9 ноября 1926 г. милиционеров награждали оружием, часами, грамотами [11, л. 58]. В целом комплекс мероприятий свёлся к вечерам воспоминаний, торжественным награждениям, обедам и подготовке стенных газет. Спустя год, ввиду 10-летнего юбилея милиции, уезды снова подготовили подлежащих награждению работников [12, л. 56].

Политическая работа выражалась преимущественно в собраниях и чтениях лекций на политические или правовые темы. План политико-воспитательной работы милиции Тамбова на лето 1924 г. включал в себя организацию экскурсий за город, сопровождающихся чтением лекций, спортивными играми, устройством массовых прогулок к политическим (дню принятия Конституции СССР) и религиозным (Троицы, Успения) праздникам. Последние предполагались в антирелигиозном духе [13, л. 8]. (Вопрос о реализации плана остаётся открытым ввиду отсутствия сведений в источниках.)

Лекции по политическим темам должны были читаться повсеместно, хотя в Ельце, например, прямо признались – лекции проводились нерегулярно вследствие перегруженности милиционеров работой, но охотно посещались в случае наличия свободного времени [14, л. 6]. С годами политико-воспитательная работа всё более приобретала формальный характер вследствие высокой загруженности работников. Парады оставались редкостью. Один из таких парадов, с участием курсантов школы городской и ведомственной милиции, был запланирован в Воронеже на 31 августа 1927 г., в день 2-го выпуска курсантов 3-й областной школы. Командовал парадом начальник школы Косырев, принимал – руководитель Административного отдела Григорь-

ев. Парад сопровождался игрой оркестра, проносом боевых и шефских знамён [15, л. 259].

Сдерживающим фактором воспитательной работы в органах внутренних дел следует признать высокую текучесть кадров, характерную для всех губерний Черноземного центра. К примеру, в 1926 г. по уездам Орловской губернии в среднем уволились до двух третей милиционеров. За 1927 г. текучесть кадров по Курской губернии составила немыслимые 122%. Немногим более половины милиционеров губернии имели стаж службы, превышающий два года. Достаточно заметить, что к 1930 г. всего 15 человек из состава Курского городского административного отдела служили 9 и более лет. Регулярная замена кадрового состава не позволяла в должной мере осуществлять политико-воспитательную работу на высоком уровне. В свою очередь, едва ли перегруженные задачами работники органов внутренних дел могли проявлять высокую заинтересованность в дополнительных занятиях по служебной и политической подготовке, особенно в редкие выходные дни. В известном масштабе воспитательные задачи решались в ведомственных образовательных организациях – различных курсах и школах, где курсанты получали не только знания об основах права и методах раскрытия преступлений, но и находились под пристальным вниманием преподавателей и руководства таких учреждений, как объекты воспитательной работы. Педагогический состав школ заботился о культурно-просветительском развитии курсантов, стремился организовывать кружки, проводить экскурсии, передавать практический опыт служебной деятельности, личным примером формируя должную модель профессионального поведения. Неудивительно, что руководство образовательных организаций стремилось привлекать к педагогической деятельности действующих работников органов внут-

ренных дел и прокуратуры, даже на условиях совместительства.

Вне стен школ просветительская и политическая работа в органах милиции оставляла желать много лучшего. К 1931 г. в Центрально-Черноземной области насчитывалось 8280 сотрудников, из них только 1848 были хотя бы формально охвачены школами и кружками. Политработа по-прежнему шла в разноразной вследствие разбросанности участковых инспекторов, их регулярного привлечения к политическим или экономическим кампаниям [16, л. 101]. Занятия по поднятию квалификации работников проводились начальниками и помощниками районных управлений милиции, в отдельных районах – прокурорами, следователями. Учитывая, что и они сами регулярно находились в политических командировках, не приходится сомневаться – реальный эффект таких занятий был ничтожен. На бумаге дела обстояли более оптимистично: милиционеры якобы посещали совпартшколы, кружки политграмоты, кружки самообразования, драмкружки (2 кружка с 18 посетителями), кружки милицеских корреспондентов (93 человека) [17, л. 11]. К 1931 г. в Черноземье действовали 74 «ленинских уголка» (из них примерно пятая часть – формально), 42 библиотеки, из них половина едва обеспечены книгами [18, л. 122]. По причине массового участия милиции в посевной и прополочной кампаниях, кампании по раскулачиванию и «сплошной коллективизации» работа по охвату милиционеров кружками и обучением оказалась минимальна. По всей Центрально-Черноземной области работали всего 5 милицеских клубов – в Тамбове, Орле, Россоши, Богучаре и Алексеевке [19, л. 55].

На протяжении всех 1930-х гг. партийно-воспитательная работа крайне редко обсуждалась на заседаниях обкомов [20, л. 17], видимо, не являясь приоритетной задачей.

В годы Великой Отечественной войны в систему воспитательных мероприятий входили проводимые политзанятия в рамках «командирской учёбы», а также доведение политинформации. Осуществлялся регулярный сбор средств для действующей армии: сбор денег на танковые колонны, отправка продуктов питания и тёплой одежды. В милиции проводилась активная политическая работа, читались газеты, художественная литература, стихи К. Симонова. Выпускались стенгазеты, проводились лекции, обсуждалась международная политика. Весной 1942 г. в милиции проводились лекции по международному положению, совместные просмотры кинокартин: «Секретарь райкома», «Сталинград» [21, л. 52, 55]. Оказывалась посильная помощь семьям сотрудников, призванных в армию. Позднее во всех строевых частях политруки провели закрытые партсобрания в связи с ознакомлением с приказом наркома обороны СССР Сталина № 227 [22, л. 78 об.].

Милицеским начальникам удалось в полной мере сохранить дисциплину и моральное состояние личного состава. Десятки сотрудников получили «отличников службы» в различных районах Воронежской области.

Интересно отметить, что в программе подготовки оперативных работников органов государственной безопасности по состоянию на март 1945 г. были предусмотрены темы по дореволюционной истории разведки, формированию «русского национального государства и разведки» до конца XVII в., реформам Петра Великого и Екатерины II, истории разведки в XIX в. [23, л. 11] Таким образом, оперативный состав ГУББ НКВД СССР через историю своего ведомства приобщался к традициям и этике разведки и органов государственной безопасности, притом что милиции иметь собственную историю до 1917 г. запрещалось.

Несмотря на нищенское обеспечение от милиции с самого начала её формиро-

вания потребовали высоких результатов, политической лояльности и неукоснительной дисциплины. За служебные проступки милиционеры несли дисциплинарную ответственность по дисциплинарным уставам милиции и уголовного розыска, утверждаемым начальниками республиканских управлений милиции и уголовного розыска на основе общесоюзного положения. Арестами заканчивались банальные опоздания и самоволки.

На фоне нищеты в течение 1930-х гг. встречались суициды среди сотрудников. Возможно, с этим же связаны и отдельные факты краж, совершаемых милиционерами, и небрежного и халатного отношения к службе в более раннее время – в начале 1920-х гг.

Материальные и кадровые затруднения свели воспитательную работу к обычной формальности. Особенно ярко эти тенденции проявились в 1920-е гг. Минимальное жалование, платившееся с задержками, напрямую, как писал в своём докладе помощник начальника воронежской губернской милиции по политической части, влияло на «взяточничество, разгильдяйство, халатное отношение к делу, различные склоки, как между собой, так и местными властями» [24, л. 1 об.]. В докладе политсекретариату милиции республики в июле 1922 г. отмечалась «перегруженность милиции работой в связи с сокращением штатов». Политическая работа не давала результатов ввиду всё той же перегруженности милиционеров, их апатичности на занятиях. «Принять же, – как писал помощник начальника воронежской губмилиции по политической части, – каких-либо по отношению к этому репрессивных мер, – бесполезно» [24, л. 4]. Применение санкций становилось бесполезным ввиду готовности милиционеров в любой момент покинуть службу. Из-за высокого некомплекта милиционерам приходилось проводить на службе по несколько суток, и, как писал он далее, «это уже одно доказывает их усталость, апатичность к дан-

ной политработе и ещё, что может служить ярким фактом перегруженности милиции работой, – это резерв, которые имеет только свое название, но фактически резерва, как такового, не существует, так как и там нет ни одного свободного запасного милиционера» [24, л. 4 об.]. Несмотря на сложное материальное положение развала службы не произошло. Многие начальники, например начальник Орловской городской милиции, отмечали желание служить среди своих подчинённых [25, л. 49 об.].

Недостатки дисциплины касались всех видов служб, в том числе работников арестных домов, что отмечалось и губмилициями. Беспечностью отличались бойцы ведомственной милиции. Незаинтересованность милиционеров в службе не позволяла полностью искоренить дисциплинарные проступки. К примеру, 3 июня 1932 г. комвзвода милиции, дежурный по заводу СК-2 в Воронеже и караульный начальник проверили посты на заводе в 2-3 ночи, обнаружив спящими шестерых постовых милиционеров, спокойно забрали из рук винтовку у одного из них [26, л. 160]. Высокий уровень напряжения сказывался на психоэмоциональном состоянии сотрудников различного уровня.

Исключительная концентрация всех физических и психологических сил милиционеров наблюдалась в годы Великой Отечественной войны. В условиях трагичного хода войны совершенно по-иному стали восприниматься тяготы службы. Например, в июне 1942 г. дорожный отдел милиции по ЮВЖД характеризовал настроение милиции как «здоровое», отметив добросовестное исполнение милиционерами обязанностей, высокое состояние служебной дисциплины. Ряду сотрудников была объявлена благодарность за умелую работу и смелость [27, л. 184]. Так, за первый квартал 1942 г. были выявлены всего 44 случая нарушения служебной дисциплины сотрудниками милиции Воронежской обла-

сти (по большей части – нарушения конвойной и караульной службы). 8 работников уголовного розыска и оперуполномоченный БХСС получили благодарность и выдачу денежной премии за энергичную работу со спекуляцией [27, л. 325, 325 об.].

В Курской области летом 1941 г. милиционеры в ходе бомбёжек оказывали первую помощь раненым, выносили из горевших домов людей, задерживали предателей, указывавших на цели немецким лётчикам [28, с. 88]. Милиционеры исключительно достойно справились со сложностями военного времени. 29 июня 1942 г. начальник политотдела Управления милиции НКВД по Воронежской области старший лейтенант милиции Бартошевич доложил в политотдел ГУМ НКВД СССР о действиях милиционеров во время налёта немецкой авиации на Воронеж поздним вечером 27 июня 1942 г. От разрывов фугасных бомб и пулемётного огня самолётов в тот вечер погибли четверо и получили тяжёлые ранения двое сотрудников. Невзирая на опасность, милиционеры чётко выполняли свои обязанности, не допустили проявления трусости [27, л. 62]. С 27 июня по 6 июля Воронеж подвергался сильной бомбардировке вражеской авиацией. Работники управления, городских отделений и строевых частей, находясь на постах, обеспечивали общественный порядок в городе, ликвидировали последствия бомбардировок, оказывали помощь пострадавшим жителям, охраняли общественное и государственное имущество, брошенное без охраны отдельными руководителями различных организаций города. Работая в течение 10 дней в невероятно трудных условиях, без отдыха, нормального питания, работники милиции самоотверженно выполняли свои задачи [21, л. 77]. Во время воздушных налётов милиция использовалась для охраны общественного порядка, оцепления очагов поражения. К примеру, начальник УНКВД Воронежской области Москов

сообщил о привлечении милиции 11 января 1943 г. во время бомбёжки немцами Борисоглебска, где временно размещалось УНКВД Воронежской области. Городской резерв при Управлении милиции и дивизиона службы был приведён в боевую готовность в 15 минут [22, л. 310].

Высокий уровень дисциплины наблюдался в Воронежской межобластной школе милиции. К слову, преподаватели школы занимались оперативной работой. Состав школы насчитывал 172 человека, из них 32 женщины. В период войны школа оказывала посильную помощь фронту: в школе осуществлялся сбор денег и подарков на нужды РККА, собирались бельё, носки, посуда. Оказывалась помощь раненым бойцам, находящимся в госпиталях. Женщины несли ночные дежурства в подшефном госпитале [27, л. 194, 194 об.]. Таким образом, школа выполняла не только воспитательные и образовательные функции, но и служила образцом гражданственности, впрочем, как и органы внутренних дел в целом. Примером тому могут служить многочисленные награды. В 1945 г. Н.А. Москов награждён орденом «Красное знамя», 2 работника милиции – орденом Отечественной войны 2 степени, 2 – орденом «Знак Почёта», 2 – медалью «За отвагу», 2 – «За боевые заслуги», 1 – «За трудовую доблесть». Указами Президиума Верховного Совета 284 человека награждены медалями «За победу над Германией», 795 – различными орденами и медалями [29, л. 29]. По линии УНКВД за 1944–1945 гг. 860 человек получили поощрения (благодарность и денежное вознаграждение) [29, л. 30]. Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении офицеров, сержантского, старшинского состава сверхсрочной службы войск и спецслужб органов НКВД и милиции УНКВД по краям и областям РСФСР в 1945 г. по Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областям награждены орденом Красного Знамени 315 человек, орденом Красной

Звезды 361 человек, медалью «За боевые заслуги» – 760 человек [30, л. 235–266; 31, л. 122–144; 32, л. 242–252; 33, л. 102–117].

Вывод

Воспитательная работа в органах внутренних дел сопряжена с необходимостью сочетать воспитание профессионально значимых качеств с поддержанием должного уровня политической лояльности власти, что было связано с переходом милиции в статус оперативного резерва Красной армии в годы Гражданской войны. В дальнейшем подобная тенденция сохранилась, а вместе с ней и политическая работа среди работников милиции. Важным элементом воспитательной работы являлось формирование корпоративной этики. В отличие от Красной армии, во многом впитавшей традиции (а частично и кадры) дореволюционной русской армии, Рабоче-крестьянская милиция не могла использовать исторический опыт как средство мотивации и отсылки к традициям ведомства и подвигам полицейских.

Первоначально (1921–1923 гг.) роль воспитателей выполняли работники политических секретариатов, а после их упразднения политпросветы. Фактически обязанность осуществления воспитательной и культурно-просветительной работы легла на плечи непосредственных руководителей коллективов различного уровня. В начале 1930-х гг. воспитательная работа носила преимущественно формальный характер, ограничиваясь политическими собраниями и чтением лекций на политические темы.

Более разнообразные формы известны во время Великой Отечественной войны, кроме привычных собраний, стали использоваться обсуждение новостей, международной обстановки, просмотр фильмов, чтение и обсуждение стихотворений, посвящённых войне. Усложнение комплекса воспитательных мероприятий, в сочетании с гражданской сознательностью работников милиции, дало хорошие результаты, отразившись как в высоком уровне дисциплины, так и в самоотверженном труде милиционеров во фронтовой и прифронтовой зонах.

Список литературы

1. Токарева С.Н. Культурно-просветительская работа в милиции в 1920-е гг.: по материалам Черноземного центра // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 78–83.
2. Кузнецов В.В. Политико-воспитательная работа в учебных заведениях МВД СССР в 1980-е годы (на примере Воронежской специальной средней школы милиции) // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 215–220.
3. ГА ОО (Государственный архив Орловской области). Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 104.
4. ГА ОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 16.
5. ГА ТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 80.
6. ГА ОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 160.
7. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 101.
8. ГА ТО. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 428.
9. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 485.
10. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 510.
11. ГА ОО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 93.
12. ГА ОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2023.
13. ГАСПИ ТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Оп. 1. Ф. П-840. Д. 2523.
14. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 531.
15. ГА ВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 340.

16. ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1479.
17. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1481.
18. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460.
19. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1482.
20. ГАОПИ КО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1692.
21. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584.
22. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4049.
23. ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 291.
24. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 610.
25. ГА ОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 150.
26. ГА ОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 1958.
27. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4036.
28. Коровин В.В. Специфика деятельности органов внутренних дел Курской области в условиях военного времени // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: сборник научных статей. Вып. 4. Курск: Университетская книга, 2019. С. 88.
29. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6581.
30. ГА РФ. Ф. Р-7553. Оп. 4. Д. 320.
31. ГА РФ. Ф. Р-7553. Оп. 4. Д. 321.
32. ГА РФ. Ф. Р-7553. Оп. 4. Д. 322.
33. ГА РФ. Ф. Р-7553. Оп. 4. Д. 323.

References

1. Tokareva S.N. Cultural and educational work in the police in the 1920s: based on the materials of the Chernozem Center. *Uchyonye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2021;(4):78-83. (In Russ.)
2. Kuznecov V.V. Political and educational work in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the 1980s (on the example of the Voronezh Special secondary school of Militia)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(4):215-220. (In Russ.)
3. ГА ОО (State Archive of the Orel region). F. R-468. Op. 1. D. 104. (In Russ.)
4. ГА ОО. F. R-468. Op. 1. D. 16. (In Russ.)
5. ГА ТО (State Archive of the Tambov region). F. R-414. Op. 1. D. 80. (In Russ.)
6. ГА ОО. F. R-468. Op. 1. D. 160. (In Russ.)
7. ГА РФ (State Archive of the Russian Federation). F. R-393. Op. 23 a. D. 101. (In Russ.)
8. ГА ТО. F. R-394. Op. 2. D. 428. (In Russ.)
9. ГА РФ. F. R-393. Op. 23 a. D. 485. (In Russ.)
10. ГА РФ. F. R-393. Op. 23 a. D. 510. (In Russ.)
11. ГА ОО. F. R-79. Op. 1. D. 93. (In Russ.)
12. ГА ОО. F. R-1. Op. 1. D. 2023. (In Russ.)
13. GASPI TO (State Archive of Socio-political History of the Tambov region). Op. 1. F. P-840. D. 2523. (In Russ.)
14. ГА РФ. F. R-393. Op. 23 a. D. 531. (In Russ.)
15. ГА ВО (State Archive of the Voronezh region). F. R-5. Op. 2. D. 340. (In Russ.)
16. ГАОПИ ВО (State Archive of Socio-Political History of the Voronezh region). F. 2. Op. 1. D. 1479. (In Russ.)
17. ГАОПИ ВО. F. 2. Op. 1. D. 1481. (In Russ.)
18. ГАОПИ ВО. F. 2. Op. 1. D. 1460. (In Russ.)
19. ГАОПИ ВО. F. 2. Op. 1. D. 1482. (In Russ.)

20. GAOPI KO (State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region). F. P-1. Op. 1. D. 1692. (In Russ.)
21. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4584. (In Russ.)
22. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4049. (In Russ.)
23. GA RF. F. R-9478. Op. 1. D. 291. (In Russ.)
24. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 610. (In Russ.)
25. GA OO. F. R-468. Op. 1. D. 150. (In Russ.)
26. GA OO. F. R-468. Op. 1. D. 1958. (In Russ.)
27. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4036. (In Russ.)
28. Korovin V.V. The specifics of the activities of the internal affairs bodies of the Kursk region in wartime conditions. In: *Aktual'nye problemy konstitucionnogo, municipal'nogo i mezhdunarodnogo prava: sbornik nauchnykh statei = Current problems of constitutional, municipal and international law*. Collection of scientific articles. Is. 4. Kursk: Universitetskaya kniga; 2019. P. 83-89. (In Russ.)
29. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 6581. (In Russ.)
30. GA RF. F. R-7553. Op. 4. D. 320. (In Russ.)
31. GA RF. F. R-7553. Op. 4. D. 321. (In Russ.)
32. GA RF. F. R-7553. Op. 4. D. 322. (In Russ.)
33. GA RF. F. R-7553. Op. 4. D. 323. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Зверков Евгений Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: zverkovphd@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1828-4457

Evgeny A. Zverkov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: zverkovphd@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1828-4457